

ОГНЕННЫЙ ВЕТЕР
ВОЗМЕЗДИЯ

1012 г. от основания империи Ильказара Воинство теней

Зверь с воем бросался на стену соседней камеры, не в силах добраться до Этриана и утолить жажду его кровью, что лишь добавляло хищнику ярости.

Мальчик понятия не имел, как давно он сидит в заточении. В темницах Эхелеба ночь и день ничего не значили. Единственным светом, который он видел, был свет фонаря надзирателя, когда тот принесил ему тыквенную похлебку или совершал несчастый обход.

Темнице предшествовало ничем не примечательное детство в трущобах Воргреберга, столицы крошечного королевства далеко на западе. У него была странная мать, в жилах которой текла ведьмовская кровь, и еще более странный отец...

Потом произошло нечто, чего он не понимал. Случилось это, наверное, из-за того, что отец связался с политикой. Пришли какие-то люди, забрали мальчика вместе с матерью, и теперь он сидел в оковах во тьме, в обществе одних лишь блох. Этриан не знал, где он и что с его матерью.

Он молился о тишине.

Влажные каменные стены не переставали содрогаться от сто-на и рева адских созданий, закованных в соседних камерах. Лаборатории Эхелеба породили сотни разновидностей жутких и странных чудовищ.

Царапанье и рычание смолкло. Этриан уставился на тяжелую железную дверь, в коридоре за которой мелькнул свет. Звери выжидающе молчали. Неестественную тишину нарушили медленные шаркающие шаги.

В двери имелось единственное зарешеченное окошко, на которое теперь в страхе смотрел Этриан. Руки его дрожали — шаги, которые он слышал, отличались от знакомых шагов надзирателя.

Тюрьма лишила его каких-либо чувств, кроме страха. Надежда была столь же мертва, как и темнота, в которой он жил.

Звякнули ключи. Послышался металлический скрежет, протестующе взвизгнул ржавый замок. Дверь медленно открылась внутрь.

Мальчик подобрал под себя ноги, сжавшись в комок. Даже не будь он закован в кандалы, все равно не смог бы сопротивляться — слишком долго он провел в неподвижности.

В камеру вошел древний старик.

Этриан попытался отползти назад.

И все же... этот человек чем-то отличался от других. В нем не чувствовалась безразличная жестокость, свойственная всем остальным, кого встречал здесь мальчик.

Старик двигался словно во сне — или умственно отсталый. Медленно и неуклюже он открывал ключами оковы Этриана. Сперва мальчик сжался от страха, но все же решил дожидаться, когда отвалился последний замок.

Старик остановился и, похоже, забыл, чем только что занимался. Он удивленно посмотрел на ключи, потом огляделся по сторонам и обошел камеру.

Этриан настороженно наблюдал за ним.

Мальчик попытался встать, и старик тут же повернулся к нему, сосредоточенно наморщив лоб. Лицо его ожило. Он подошел ближе, повозился с последним замком, и тот упал на пол.

— По-по-пойдем. — Голос старика напоминал хриплый шепот, который трудно было расслышать даже в окутавшей темницу неестественной тишине.

— Куда? — прошептал в ответ Этриан, боясь потревожить зверей.

— От-от-отсюда. Ме-меня прислали, чтобы у-у... от-отдать тебя саван-далаге.

Этриан съежился от ужаса. Надзиратель рассказывал ему про саван-далаге — худших созданий Эхелеба.

Старик достал маленький флакон.

— Вы-выпей.

Этриан отказался. Старик схватил его за запястье, притянул к себе, развернул спиной и запрокинул ему голову, вынудив открыть рот. Мальчика ошеломила неожиданная сила старика, которой невозможно было противостоять. В рот полилась какая-то гадость, которую старик заставил его проглотить.

По всему телу тут же разлилось тепло, придавая сил.

Старик потащил его к двери камеры, держа железной хваткой. Этриан, всхлипывая, засеменил рядом.

Что происходит? Что с ним теперь будет?

Старик потащил его к лестнице, ведшей наверх из подземного царства ужаса. Невидимые звери рычали и выли, чувствуя себя обманутыми. Этриан заметил за зарешеченным окошком в ближайшей двери чьи-то красные глаза.

Он больше не сопротивлялся.

— Бы-быстрее, — заикаясь, проговорил старик. — О-они тебя у-убьют.

Этриан заковылял следом за ним к лестнице, а затем, по казавшимся нескончаемыми ступеням, наружу. В жарком неподвижном воздухе ощущался привкус соли. Мальчик вспотел, солнце угрожало ослепить отвыкшие от света глаза. Он попытался расспросить благодетеля, но мало что сумел понять из неразборчивых ответов.

Это был К'Мар-Хевитан, островная штаб-квартира всемирного заговора Праккии. Мальчика держали в тюрьме как рычаг воздействия на отца, но отец не справился с возложенной на него задачей, и Этриан стал бесполезен. Его приказали убить, но старик воспротивился приказу.

Для самого Этриана происходящее казалось бессмыслицей.

Они спустились на каменистый пляж, и старик показал на далекий берег цвета ржавчины на свинцовом фоне. Пролив был достаточно узким, но мальчик не мог точно оценить его ширину. Одна миля, две?

— Плы-плы-плыви, — сказал старик. — Там бе-безопасно. На-вами.

У Этриана округлились глаза.

— Я не умею. — При одной только мысли его охватил ужас. Плавать в море ему никогда не доводилось. — Я ни за что не доберусь.

Старик с преувеличенной осторожностью опустился на землю, скрестив ноги. Сосредоточившись, он издал неясное ворчание, словно пытаясь перевести медленные мысли в слова. Однако когда он наконец заговорил, голос звучал ясно и четко:

— Ты должен. Это единственная твоя надежда. Если останешься, Режиссер бросит тебя отродью Магдена Нората. Те, кто здесь обитает, — твои враги. Морю и Навами ты безразличен,

и они дадут тебе шанс выжить. Иди, прежде чем он обнаружит, что я наконец презрел его порочность.

Этриан верил, что услышанное им — правда. Старик был столь настойчив...

Он в страхе посмотрел на море. Снадобье старика придало сил, и он чувствовал, что может пробежать тысячу миль. Но проплыть?

Старик затрясся, и Этриану показалось, будто тот умирает, но на самом деле он всего лишь дрожал от напряжения, стараясь убедить мальчишку.

В подземельях острова с удвоенной силой взревели звери.

— И-и-иди! — приказал старик.

Сделав два шага, Этриан бросился в холодную соленую воду и тут же ее наглотался. Откашлявшись, он обнаружил, что стоит по грудь в воде.

Его заковали в кандалы голым. Он пробыл на солнце совсем недолго, но уже ощущал жар от его поцелуя и понял, что обгорит, прежде чем доберется до противоположного берега.

Оттолкнувшись от дна, он размеренно поплыл. По прошествии, как ему показалось, невероятно долгого времени он перевернулся на спину, чтобы отдохнуть.

Этриан отплыл от берега самое большее на триста ярдов. Он видел, как старик карабкается по ступеням, по которым они недавно спускались, то и дело останавливаясь и переводя дух. Остров был длинным, узким и каменистым. Вдоль его хребта тянулась уродливая старая крепость, словно рассыпающиеся кости древнего гигантского дракона. Повернувшись, он яростно уставился на бесплодный материк, который на вид нисколько не приблизился.

Он понял, что вряд ли доберется до суши, но все же поплыл дальше. Упрямство было у него в крови.

За время заточения в темнице он узнал четыре имени — Режиссер, Фадема, Магден Норат и лорд Чинь. Об обладателе первого имени он ничего не знал. Норат был чародеем из Эхелеба, а Фадема — королевой Аргона, которую, судя по всему, заколдовал лорд Чинь. Именно они двое похитили Этриана, доставив его на остров. Лорд Чинь был высшим тервола, или чародеем-аристократом Империи Ужаса, против которой боролся отец Этриана. Чиня уже не было в живых, но породившая его империя никуда не делась...

За всем этим наверняка стоял Шинсан, Империя Ужаса.

Если только он выживет...

Казалось, прошло много часов. Солнце действительно сдвинулось к западу, но еще не било в глаза. Серые холмы лишь чуть потемнели... Он слишком устал, чтобы плыть дальше. Упрямство постепенно иссякало.

Он уже готов был погрузиться в пучину, слишком устав, чтобы бояться смерти, как вдруг что-то коснулось ноги. Усталость словно рукой сняло, и он в панике забил ногами, пытаясь отплыть подальше.

В поле его зрения появился спинной плавник, и его снова что-то коснулось.

Задыхаясь, он отчаянно заколотил по воде руками. Морское животное взмыло в воздух и, описав изящную дугу, вновь нырнуло в соленую пену.

Этриана это несколько не приободрило — он вырос вдали от моря и не мог отличить дельфина от акулы. Об акулах он слышал от друга отца, Браги Рагнарсона. Его крестный рассказывал жестокие мрачные истории об этих убийцах, пировавших на телах моряков с разбитых в свирепых морских сражениях кораблей.

Все его попытки отбиться ни к чему не привели — он лишь наглотался соленой воды.

Дельфины окружили его и вынесли на пустынный берег, где он из последних сил уполз в тень утеса. Рухнув на землю, он извергал из себя морскую воду, пока не заболели внутренности, а потом заснул.

Что-то разбудило его посреди ночи. Высоко в небе светила полная луна. Этриан прислушался — показалось, будто он услышал чей-то голос. Но было тихо.

Этриан взглянул на пляж. Там что-то двигалось, негромко цокая... А потом он увидел крабов — целые полчища. Казалось, они смотрят на него, покачивая клешнями, словно в солдатском салюте. Один за другим они подбирались все ближе.

Он в испуге отполз назад. Наверняка они собирались его сожрать! Вскочив, он заковылял прочь. Крабы засуетились, не в силах за ним угнаться.

Пройдя сотню ярдов, он снова сел. Камни разодрали ступни и оцарапали ноги.

Вновь показалось, будто кто-то его зовет, но он не смог ни разобрать слов, ни определить, откуда доносился голос. Проковыляв чуть дальше, он вновь рухнул на землю и заснул.

Мальчику снились странные сны. С ним говорила прекрасная женщина в белом, но он не мог ни понять, ни вспомнить ее, когда проснулся.

Солнце почти зашло. Этриана мучили голод и жажда. У него побелело все тело, обожженная солнцем кожа покрылась волдырями. Он попытался пить морскую воду, но желудок ее не принял. Какое-то время он лежал на песке, тяжело дыша, а когда наступили сумерки, встал и обследовал остров. Следов какой-либо жизни здесь не наблюдалось, не было и растительности. Ни одна ласточка не пролетела в сгущающейся тьме на фоне утесов, не слышалось жужжания закатных насекомых. Даже лишайники на камнях не росли. Единственными живыми существами, которых он видел, были выползшие из моря крабы.

Внезапно кое-что сообразив, он устроился возле воды, глядя, как волны накатываются на пальцы ног и, затихая, ускользают прочь.

Когда появились крабы, он разбил камнем несколько панцирей и наелся соленого мяса, пока вновь не взбунтовался желудок. Отойдя от воды, он проспал еще несколько часов.

Когда он проснулся, уже взошла луна. Ему почудились чьи-то голоса, и он выбрался на песок, где можно было стоять и ходить, не ранив ноги. Он окинул взглядом утесы, и ему на мгновение померещилась женщина в белом, смотревшая на море с поднятыми словно в немой просьбе руками. Одежда ее развевалась, хотя не было ни ветерка.

И она исчезла, едва он сдвинулся с места, чтобы разглядеть ее получше.

Этриан задумался, как ему выпутываться из сложившегося положения. Нужно было выбраться с пляжа и найти еду и воду. Особенно воду. И что-нибудь в качестве одежды, иначе солнце изжарит его живьем.

Поняв, что утесы ему не преодолеть, он направился вдоль берега. Вскоре после рассвета его одолела усталость, и он заполз в тень, где заснул среди зазубренных камней. Язык его напоминал комок шерсти.

Наступил прилив. Море с грохотом ударялось о камни, вздымая белую пену на тридцать футов вверх. И Этриану вновь снился сон.

Снова пришла женщина в белом. Снова он не смог понять ничего из сказанного ею. И снова он проснулся после захода солнца, наловил крабов и решил идти вдоль пляжа в поисках просвета между утесами.

Прилив отступил, но, казалось, приближался опять. Где-то вдалеке слышался грохот волн, а на его фоне — едва заметный скрип, затем лязг и крики. Этриан сел на каменный валун, ожидая продолжения. Внезапно он увидел в покрытом белыми барашками море нечто вроде флотилии из тысячи кораблей. Через полосу прибоя, подобно яростным черным коням, устремились шлюпки, царапая обшивкой по песку и гальке, и с них высадились худые темнобородые мужчины в незнакомых доспехах. На берегу их встретили другие, пониже и посветлее. С лязгом скрестились мечи.

Шум сражения разорвал женский голос. Этриан поднял взгляд и увидел женщину в белом, которая стояла на вершине утеса, вытянув руки. Между ее пальцами трещал голубой огонь.

Голубое колдовское пламя заплясало на белых парусах кораблей в море, и на них накнулись всплывшие из глубины левиафаны. На пение женщины приплыли акулы и морские свиньи и, не обращая внимания друг на друга, атаковали смуглых пришельцев.

А потом с кораблей ударили рубиновые молнии, обрушившись на утесы. Громадные каменные стены рухнули на сражавшихся на берегу...

На фоне луны пролетели крылатые создания, изрыгая огонь. На чешуйчатых спинах сидели великаны в развевающихся черных плащах. Они метнули в женщину в белом светящиеся копыя.

Сплетя несколько голубых паутин, она швырнула их в небо, и те полетели к крылатым ящерам словно веселые мотыльки. Паутины обвили вокруг драконов, и чудовища, кувыркаясь, рухнули наземь.

Единственное, что отметил про себя Этриан среди вспышек и пламени: эта земля была живой. Живой и мятежной, насколько не похожей на пустыню, что держала его в плену на берегу.

Видение таяло. Он огляделся, пытаясь разобраться в происходящем, но все исчезло, прежде чем он успел что-либо осознать.

Он посмотрел туда, где стояла женщина. Там, где в утесы ударили красные молнии, образовался пролом — в том месте, как ему казалось, не было ничего, кроме сплошной каменной стены.

Неуверенно и осторожно он пробирался в ту сторону. Луна уже стояла высоко в небе, и пролом был хорошо виден. Он не был свежим — над каменными валунами с обеих сторон от него поработали многие века.

Ему показалось, будто из пустыни зовет чей-то голос. Он замер, но тут же пожал плечами — на разгадывание тайн не было времени. Главное сейчас — выжить. А для этого нужно убраться с берега.

Подъем стал для него настоящим мучением, но наверху он не обнаружил ничего, кроме освещенной лунным светом пустыни. Очередная безжизненная земля. И тем не менее... он слышал голоса. Голоса без слов, которые его звали.

Что это за земля? Какие забытые духи населяли ее бесплодные пустоши? Он осторожно захромал в ту сторону, откуда, казалось, доносились голоса.

Ноги распухли и гноились, во рту пересохло. На коже лопались волдыри от солнечных ожогов. Болели все суставы и сухожилия. В висках стучало.

Но он упрямо шел дальше. И какое-то время спустя заходящая луна осветила нечто на вершине близлежащей горы. Чем пристальнее он в него вглядывался, тем больше оно напоминало высеченную в камне гигантскую фигуру, похожую на обращенного лицом на восток сфинкса.

Что-то хрустнуло под ногой. Наклонившись, он увидел ветку с сухими листьями, которую принесло ветром. То была акация, хотя он ее не узнал, поскольку никогда не видел подобного дерева.

Сердце подпрыгнуло от радости. Где деревья, там должна быть и вода. Он заковылял быстрее, двигаясь словно танцор на углях.

Наступил рассвет. Этриан больше спотыкался и падал, чем шел, ободрал ладони и колени. Впереди, всего в нескольких сотнях ярдов по склону, возвышался громадный каменный зверь.

Изваяние оказалось крупнее, чем он предполагал, — не меньше двухсот футов в высоту. Раньше оно скрывалось из виду за краем окружавшего его ровного пространства. Над ним основательно поработало время — вырубленные в камне черты были почти неразличимы.

Этриана не особо интересовала каменная фигура — взгляд его притягивали низкорослые деревья вокруг передних лап сказоч-

ного существа. Солнце светило в обнаженную спину, причиняя новые мучения, но он продолжал идти, хотя падал все чаще. Наконец ему удалось вылезти на ровную площадку.

Вода! Между лапами чудовища виднелся неглубокий пруд... Заставив себя выпрямиться, он бросился вперед и упал лицом в живительную влагу, глотая густую от водорослей стоячую воду, пока не заболел живот.

Несколько минут спустя он изверг ее обратно.

Подождав, он снова напился, на этот раз не столь обильно. А затем зашлепал через пруд в тень, которая, судя по всему, должна была оставаться в течение всего дня. Там он заснул, свернувшись в позу эмбриона.

Ему снились странные и могущественные сны.

Пришла женщина в белом и осмотрела его раны. От касаний ее пальцев боль тут же исчезала. Взглянув на себя, он обнаружил, что полностью исцелился, и попытался прикрыть наготу ладонями. Она мягко улыбнулась и направилась к рожице между лапами чудовища. Там она устала на поднимающуюся из моря луну, свет которой подчеркивал очертания крепости на пересекающем остров горном хребте.

Этриан присоединился к ней, глядя на пустыню и видя ее такой, какой та могла быть, — пышной, богатой, населенной работающим и набожным народом... Но на острове пылали пожары, и по морю приходили корабли, столь многочисленные, что их паруса скрывали волны. Над землей поднимались столбы дыма, а в небе парили драконы, верхом на которых сидели свирепые духи, обрушивая с небес смерть и разрушения. Войска Навами сражались, но потерпели поражение и отступили, чтобы перестроить ряды. Женщина в белом призвала им на помощь страшное колдовство, но даже его не хватило.

А потом заговорил каменный зверь. Он раскрыл пасть и произнес Слово. Слово призвало гром и погибель. С неба обрушились духи с черепами вместо лиц. Драконы вопили и царапали когтями собственные уши. Захватчики бежали на свои корабли.

Но они никуда не делись. На востоке острова таилась Сила. Этриан чувствовал ее, ощущал ее имя — Нахамен Одит. Женщина, воплощавшая в себе великое зло и великую Силу, одержимая ненавистью и навязчивой идеей уничтожить Навами.

Нахамен собрала войска и вновь нанесла удар. Они прокатились по земле и спустились с облаков, и ни колдовство женщины

в белом, ни Слово каменного зверя не смогло разбить их бесчисленные волны. И с каждой атакой они оказывались все ближе к горе каменного зверя.

Этриан вскоре понял, что видит поколения сражений, спрессованные в одну ночь, века войны, сведенные к главным моментам.

Орды Одит все же добрались до горы и уничтожили все, что смогли, заставив каменного зверя замолчать.

Нахамен высадила на берег и с помощью череполицы духов превратила эту землю в пустыню. Женщина в белом и каменное чудовище ничего не могли поделать, только беспомощно наблюдать. Слово зверя было его Силой и ее жизнью. Судьба Навами лежала в его огромных каменных лапах.

Нахамен и остатки ее войска отступили на остров, а оттуда за море, и никогда больше не появлялись на берегах Навами.

Этриан озадачился — после стольких ужасов и жестокости взять и уплыть? Что это все значило?

Женщина в белом стала старше. Он чувствовал ее отчаяние.

Она прожила долгую жизнь, и Слово каменного зверя хранило ее юность и красоту. Теперь она превратилась в дряхлую старуху. Она умоляла о смерти, но зверь не позволял ей умереть. В конце концов от нее не осталось ничего, кроме страдающего духа, парящего над склонами звериной горы.

Этриан проснулся с рассветом, проспав сутки. Почувствовав запах свежей воды, он заковылял к пруду.

Лишь утолив жажду, он заметил, что руки его больше не болят. Они все еще были изранены, но, похоже, чудесным образом исцелялись.

Встав, он осмотрел себя. Ступни его тоже выглядели намного лучше, как и колени. Даже зуд от солнечных ожогов исчез.

Он огляделся, внезапно испугавшись.

Возле его спального места лежала пара сандалий, аккуратно сложенная тога и несколько лепешек на древесном листе.

В нем боролись страх и голод, но голод победил. Схватив лепешки, он бросился к пруду и принялся попеременно есть и пить. Закончив, он оделся. Сандалии и тога пришлись ему в точности впору.

Он обследовал окрестности, но, как ни пытался, не смог найти чьих-либо следов, кроме собственных. Он взглянул на каменного

зверя. Не промелькнула ли на изъеденных временем губах прозрачная улыбка?

Вскарabкавший на чудовище, он осмотрелся с макушки громадной головы. Насколько хватало взгляда, его окружала безжизненная пустыня. Равнины цвета охры и ржавчины, горы покрывал голый серый камень...

Он знал, что ему никуда отсюда не уйти. Ни один смертный не преодолел бы эту пустошь, избежав вековых объятий Темной Госпожи.

Вряд ли старик оказал ему такую уж любезность.

Этриан попытался позвать женщину в белом, каменного зверя, даже Нахамен Одит. Но крики его ни к чему не привели, лишь отдались приглушенным эхом — эхом преждевременной радости.

Он вернулся к своему месту у пруда.

— Избавитель...

Этот голос он уже слышал во сне. Женщина была рядом, но слово исходило не от нее — его словно прошептал кто-то сверху.

— Что?

— Избавитель. Тот, что был предсказан. Тот, чье пришествие я пророчествовала в час отчаяния. Тот, кто избавит нас от проклятия Нахамен и вернет нам дни былой славы.

Этриан ошеломленно уставился на нее.

— Мы долго ждали твоего пришествия, и силы наши превратились лишь в призрак былого. Освободи нас от оков, и мы исполним любую твою прихоть. Освободи нас, и мы сделаем тебя повелителем земли, как в старые времена, до того как Нахамен взбунтовалась и бросила против нас темную орду.

Этриан вовсе не ощущал себя чьим-либо спасителем — он был всего лишь сбитым с толку напуганным мальчишкой, который столкнулся с чем-то превосходящим его возможности, недоступным пониманию. Сейчас он хотел только выжить, вернуться домой и разделаться с врагами — именно в таком порядке.

— Тебя мучает страх и ненависть, Избавитель. Мы видим их и читаем, как писец читает листы книги. Мы говорим — освободи нас. Вместе мы раздавим твоих врагов в прах. Да будет так. Открой же Избавителю закованное в цепи могущество Навами, которое он понесет как копьё мщениа.

Женщина в белом вошла в темноту между лапами зверя.

Этриан представил себе тех, кто пленил его, тех, кто забрал мать и потребовал невозможного от отца. Пока что погиб лишь

лорд Чинь, но его приспешники живы. Их рассадником был Шинсан, Империя Ужаса. И он знал, что уничтожит Шинсан, если могущество окажется в его руках.

— Могущество теперь принадлежит тебе, Избавитель. Ты должен лишь его принять. Следуй за Сааманан. Пусть она станет первой, кто поможет тебе возродить Навами.

Женщина в белом поманила его из тени, и Этриан двинулся следом за ней во тьму, становившуюся все ощутимее с каждым шагом. Он протянул руку, ожидая встретить камень между огромными звериными лапами, но прошел намного дальше, не ощутив преграды. Женщина исчезла, и он следовал лишь за невнятным шепотом, летящим позади нее. Взять ее за руку он не мог — в отличие от каменного зверя, она была полностью бестелесной.

Внезапно он шагнул на свет — и судорожно вздохнул, вспомнив историю, которую рассказывал давний друг отца. Браги Рагнарсон, его крестный, который, возможно, участвовал в заговоре с целью уничтожить семью крестного сына.

Зал горного короля. Подгорье, или Громовая гора, как называли ее тролледингцы. Пещеры, где властвовал король мертвых, посылая проклятые души верхом на горных ветрах в поисках смертной добычи...

Он стоял на узком уступе над пещерой, столь огромной, что границ ее не было видно. Сааманан стояла рядом.

— Все это твое, Избавитель, — послышался ее едва слышный голос. — Повелевай.

Перед ним в идеальном порядке выстроились безмолвные батальоны и полки — застывшее во времени войско. Численность их казалась Этриану непостижимой. Среди них были как воины в белом, так и потомственные солдаты, штурмовавшие Навами во имя Нахамен Одит, — пехотинцы, конники, погонщики слонов, свирепые череполицы верхом на драконах.

Все они застыли, словно насекомые в янтаре, освещенные исходящим ниоткуда ровным, неизменным сиянием. Казалось, будто пещера наполнена напряженным ожиданием.

— Они знают тебя, Избавитель. Им не терпится обрести жизнь от твоей мстительной длани.

— Кто они? — спросил мальчик. — Откуда они взялись?

— Задолго до падения Навами стало ясно, что Нахамен добьется своего. Мы избежали ее гнева, выскользнув за дверь во времени. Мы позволили ей победить, посвятив нашу Силу под-

готовке к тому дню, когда Избавитель освободит нас от наложенных ею оков. Мы не ожидали, что ты появишься столь не скоро. И не предвидели, что она настолько ослабит нас, что даже послать дельфинов станет нам едва под силу.

Основные вопросы Этриана остались без ответа, и он подозревал, что не получит их, пока не станет слишком поздно.

— Кто все эти люди?

— Часть павших во время крестовых походов Навами. Мы оживили их, дали им цель и сохранили на века, — произнес голос каменного зверя. — Они тоже ждут своего Избавителя.

«Мертвецы?» — подумал Этриан. От него ожидали, что он совершит некий нечистый некромантский обряд, который воскресит их из мертвых? Его охватило отвращение — мертвецов в его возрасте боялись многие. Женщина в белом повернулась к нему и, улыбаясь, заговорила. Слова ее не совпадали с движениями губ.

— У тебя ведь есть враги? — Голос ее доносился издалека, словно шепчущий среди сосен ветерок. — Перед тобой могущество, способное их низложить, Избавитель.

Этриан, несмотря на молодость, замешательство и страх, все не был глупцом. Он понимал, что все имеет свою цену. Какова она?

— Освободи нас, — настаивала женщина. — Избавь нас. Больше мы ни о чем не просим.

Этриан взглянул на застывшее в ожидании войско мертвецов и задумался, представляя себе падение Навами. Разумно ли вновь выпускать на свободу подобную ярость? Можно ли ею управлять? В самом ли деле столь важно было отомстить?

Какая иная сила могла противостоять могуществу Империи Ужаса? Лишь это древнее колдовство могло сравниться с тем, что сегодня властвовало в Шинсане.

Следовало подумать и о себе. Если он откажется — помогут ли Сааманан и зверь ему выжить? Собственно, зачем им это?

Он станет еще одним памятником из костей в смертоносной пустыне.

Этриан направился прочь от женщины тем же путем, которым пришел, пока снова не увидел серебристый пустынный пейзаж. На острове на востоке горели огни. Он яростно уставился на них, ненавидя тех, кто их зажег.

В этом мире он был никем, столь же беспомощным, как червяк. Как еще он мог покарать тех людей за преступления?

Сааманан последовала за ним из темноты.

— Как мне освободить тебя? — спросил он. Она попыталась объяснить, но он оборвал ее. — В следующий раз, когда мы встретимся, я дам ответ. Сперва мне нужно подумать.

Он вернулся к своему месту для сна, где снова свернулся в позе эмбриона, познавая совершенно новый, доселе незнакомый страх.

Ему вновь снились сны, но на этот раз он долго не просыпался. Казалось, он пролежал целую вечность, не шевелясь, пока каменный зверь использовал остатки своего могущества, показывая ему мир, обращая в свою веру и обучая всему необходимому, что требовалось от Избавителя Навами.

И никакие иные сновидения не отвлекали Этриана.

1016 г. от О. И. И.
Время перемен

— Он идет! Он уже у Жемчужных ворот! — радостно воскликнул Чу.

Сыма Шикай оторвался от утренних докладов. Коренастый и мускулистый, с бычьей шеей, он чем-то напоминал кабана и подходил скорее на профессионального борца, чем на тервола, командовавшего легионом Срединной армии.

— Куаньин, веди себя как подобает претенденту.

Чу вытянулся в струнку.

— Прошу прощения, лорд Сыма.

Шикай вышел из-за стола.

— Ты постоянно просишь прощения, Куаньин. Твои бесконечные извинения меня оскорбляют.

Юноша уставился куда-то за плечо командира.

— Прошу прощения, господин.

Шикай заскрежетал зубами. Парень был безнадежен. В прежние времена его ни за что бы не выбрали, был бы он сыном тервола или нет. Вряд ли следовало оправдывать понижение планки военными потерями. А бывлые стандарты он вспоминал с гордостью.

Сыма Шикай был родом из крестьян, и собратья-тервола никогда не забывали, что его отец пас свиней. Но и он не позволял им забыть, что прошел свой кандидатский срок во времена Принцев-Чудотворцев. А тогда лишь лучшие из лучших преодолевали скользкие ступени, ведущие к членству в элите Шинсана.

Шутки о его происхождении до сих пор слышались на собраниях тервола. Над ним больше не насмехались в лицо, но все его успехи никак не влияли на их преубеждения.

Будучи кандидатом, он многому научился, отрастив толстую шкуру и выработав упорство, которое вознесло его намного выше, чем ожидали наставники. Он был упрям и полон решимости.

Тервола повсюду демонстрировали открытость своих рядов для любого талантливому, дисциплинированному и целеустремленному ребенку, но это была по большей части иллюзия. Сыма оставался изгоем среди консервативной знати. Он не мог жениться на их дочерях. А его дочери, если бы таковые у него появились, не могли бы выйти замуж за худощавых бледных сынов Силы, вроде его легкомысленного подчиненного.

Куаньин снова извинился, вырвав Сыма из задумчивости. Шикай с трудом подавил наслаждение, которое вызывало у него подобное подобострастие. Пока что они были у него в руках, и он мог вертеть ими как угодно, чего было вполне достаточно. Выжидали лишь сильнейшие.

— Куаньин, — прорычал он, — если я услышу еще хоть одно извинение, снова отправись на месяц на первичное обучение.

Чу затрясся. Шикай взглянул на его бледные дрожащие щеки и понял, что тот никогда не станет избранным — по крайней мере, пока за лордом Сыма остается решающий голос. Слишком уж тот был робок.

— Доложи как полагается, Куаньин.

— Господин! — выпалил Чу. — Лорд Го Вэнчинь ждет у Жемчужных ворот. Он просит аудиенции у вашей светлости. Начальник стражи передает свое почтение, господин.

— Вот так-то лучше. Намного лучше. Ты на верном пути. Выйди и подожди две минуты, а потом соберись и попробуй еще раз. Постучи, прежде чем войти.

Щека Чу дернулась.

— Как прикажешь, господин.

Шикай уселся за стол. Взгляд его вновь упал на утренние доклады, но он их не видел. Лорд Го! Здесь! Удивительно. Чего тот хотел? Зачем ему тратить время на командира учебного легиона, сына крестьянина?

Четвертый Показательный легион Шикая каждой весной собирал урожай трехлетних детей, превращая их за последующие восемнадцать лет в самых преданных и бесстрашных солдат, каких только знал мир.

За исключением нескольких недолгих назначений, Шикай провел в Четвертом легионе всю жизнь с самого детства, подни-

маясь благодаря таланту и силе воли, вопреки предубеждению и косности знатных тервола. Он командовал легионом уже двадцать лет и гордился солдатами и избранными, которых выпускал. Они быстро продвигались по службе, куда бы их ни посылали. Начальники Шикая считали его лучшим в своей области, хотя должность, которую он занимал, обычно получали тервола, вставшие в серьезную немилость. Заслужить какие-либо почести, команду Показательным легионом, было невозможно.

Шикай оказался в профессиональном тупике, и он это понимал. После недавних политических перемен, когда более молодые тервола вытеснили старых приближенных Ко Фэна, будущее его казалось еще более унылым. Сам он политикой не интересовался, но принадлежал к кругу старых и приверженных традициям тервола.

И вот теперь прибыл лорд Го. Чего он мог хотеть, кроме как избавиться от еще одного представителя старой гвардии? Стронники Ко Фэна уже лишились войска и постов в Совете, получив в награду малозначительные должности в умирающих Восточной и Северной армиях. Даже самого Ко Фэна лишили бессмертия и почестей, и он отправился в добровольное изгнание, предпочтя его понижению в звании. Не заберет ли начавшаяся чистка и его жизнь, подобно неосторожно вызванному демону? Не связана ли она попросту с возрастом?

Несмотря на страх, Шикая охватила злость. Он пережил Принцев-Чудотворцев, Мглу, О Шина, заговор Праккии, Ко Фэна, но никому не давал повода для обид. Он был солдатом империи, и им все были довольны. Сам же он не обращал никакого внимания на политику и борьбу за власть.

В дверь негромко постучали.

— Входи.

Вошел Чу с докладом. На этот раз он был само совершенство, победив волнение, которое вызывал лорд Го при каждом своем визите.

— Лучше. Намного лучше. Наша первая задача — победить себя, не так ли? Гм... значит, лорд Го? Как полагаешь, что ему нужно?

— Не знаю, господин. Он не сказал.

— Гм... — Шикая несколько не устраивала рука, правившая теперь судьбой Шинсана.

Содержание

ОГНЕННЫЙ ВЕТЕР ВОЗМЕЗДИЯ	5
ПОД ЗНАМЕНЕМ ЗЛОЙ СУДЬБЫ	227
ПУТЬ К ХОЛОДНОМУ СЕРДЦУ	559